

Предисловие

Сюрпризы для читателя

В первых же строках этой книги хотелось бы отметить, что значит для меня здесь слово «отстала». Возможно, некоторые потенциальные читатели, увидев его на обложке, сразу запишут автора в русофобы. Однако на самом деле в книге нет никакой русофобии. Наоборот, я полагаю, что у нашей страны есть хорошие возможности для развития. Более того, в истории России уже имеется немало серьезных достижений, особенно в области культуры. Тем не менее в экономике и социальном обеспечении мы находимся далеко не на первых местах в современном мире. ВВП на душу населения у нас по европейским меркам невысок. Темпы роста экономики откровенно не соответствуют потенциальным возможностям России. Уровень жизни таков, что многие предпочитают уезжать за границу, если появляется шанс. Перечень проблем может быть длинным, и в прошлом неоднократно об этих проблемах писал [Травин 2004; Травин 2008; Травин 2010а; Травин 2016а; Травин, Гельман, Заостровцев 2017]. Но в этой книге не будет размышлений о застойной экономике, провальной «социалке» и авторитарной политике. Меня интересуют причины всего этого. Мне надо понять, почему нормальная европейская страна отстает от большей части развитого мира. Мне хочется дать на этот вопрос не идеологический, а научный ответ: ответ, основанный на изучении фактов.

Замечательный петербургский историк Борис Миронов возражает, правда, против самого использования слова «отстала» в отношении нашей страны. Он настаивает на том, что *«это не отставание, а лаг <...>». Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась — Россия живет в другом часовом поясе европейской цивилизации* [Миронов 2015а: 623].

Я с этим совершенно согласен и с первой же главы начинаю выяснять, почему мы оказались в «другом поясе», но полагаю, что без слова «отстала» обойтись, увы, трудно, поскольку оно широко используется. Проще анализировать проблему на том «языке», который принят в обществе. Миллионы людей размышляют именно о причинах отсталости, и если мы попытаемся обойтись без ключевого слова, то наши размышления могут просто не попасть к адресату.

Вопрос о том, почему Россия отстала, стоит уже давно, но особую актуальность он приобрел у нас лет 30–35 назад, т. е. в эпоху, когда начинались преобразования. В те годы сформировалось два основных подхода к анализу осуществлявшихся реформ. Назовем их, несколько условно, экономическим и социологическим.

Экономический подход выглядит следующим образом. В мире имеется наработанная практика осуществления реформ в ситуациях, похожих на нашу. Если мы хотим действовать в соответствии с рекомендациями науки, то должны брать на вооружение именно те методы преобразования, которые хорошо работают, а не те, которые сочиняют некоторые наши доморощенные экономисты. Соответственно, успех в преодолении отсталости зависит от того, какие люди стоят у руля и какие рецепты они используют. Если слегка упростить логику экономического подхода, то он сводится к тому, что все зависит от людей: плохие реформаторы осуществляют плохие реформы, а хорошие реформаторы добиваются успеха.

Социологический подход сводится к тому, что далеко не всякое общество способно позитивно воспринять реформы, если они не приносят сразу же богатых плодов. В краткосрочном плане кто-то от реформ выигрывает, кто-то проигрывает. Чем менее приспособлено общество к трансформации, тем больше будет отторжение. Поэтому те реформы, которые оказались успешно реализованы в одних странах, могут провалиться в других. Следовательно, надо искать такие методы для преодоления отсталости, которые способно воспринять население. Если слегка упростить логику социологического подхода, то он сводится к тому, что все зависит от специфики общества: хорошие реформаторы для одних стран оказываются плохими в других.

Автор этой книги по образованию и ученой степени — экономист. Тридцать лет назад я однозначно придерживался экономического подхода. Не потому, что отрицал социологический, а потому, что

понимал: невозможно изобрести панацею для российской экономики, основываясь не на научном анализе зарубежных реформ, а лишь на желании придумать реформы, приемлемые для народа. При таком подходе панацея превращается в плацебо: обществу говорят, будто его лечат от социальных болезней щадящими методами, но на самом деле лекарств не дают.

Я и сейчас придерживаюсь таких же взглядов, но, много лет изучая опыт преобразований в различных странах, пришел к выводу, что и впрямь далеко не каждое общество способно принять необходимое для преодоления отсталости лекарство. Иными словами, как в экономическом, так и в социологическом подходе есть своя правда. Но правда не вся. Реальное преодоление отсталости требует обычно серьезных реформ, основанных на мировом опыте, и долгого времени для восприятия этих преобразований. Общество что-то принимает, а что-то отторгает из мер, предложенных реформаторами. Со сменой поколений появляются новые инициаторы преобразований, и процесс реформ возобновляется.

Таким образом, каждый раз, когда мы беремся за преодоление отсталости, мы зависим от своего исторического пути, от того, что уже удалось сделать раньше, и от того, что общество отвергло. Подобный вывод, возможно, не порадует тех реформаторов, которым надо принимать решения здесь и сейчас. Но книга эта и не является набором рекомендаций. Она написана для другого: для того, чтобы понять причины нашего долгого отставания. И возможно, для того, чтобы в какой-то мере демифологизировать нашу историю. Показать, что в ней нет какой-то мистической предрасположенности к неудачам. Показать, что мы отставали и догоняли на протяжении долгого времени по тем причинам, которые вполне можно понять.

Данная книга развивает идеи, содержащиеся в другой моей работе «“Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского» [Травин 2018a]. Там были исследованы многочисленные теории (с которыми трудно согласиться), утверждающие, будто Россия — особая страна, будто у нее — особый путь развития, особое мессианское предназначение и т. д. Завершалась книга кратким изложением альтернативы такого рода концепциям, т. е. анализом трудов авторов, считающих, что Россия вполне способна модернизироваться, догонять развитые страны и не идти никаким особым путем. Однако мое собственное

видение проблемы не вошло в то исследование, поскольку требует отдельного серьезного разговора. Здесь, в этой предлагаемой вниманию читателей работе, я данный разговор наконец начинаю. И сразу прошу читателя не воспринимать эту книгу в качестве всеохватной истории России или тем более истории Европы. Писать подобный труд я, конечно, не собираюсь, да это и не по силам одному автору. Моя локальная задача сформулирована выше, но для ее решения мне придется «пробираться» в самые разные уголки истории и пользоваться трудами многих замечательных историков, без которых никакие работы в сфере исторической социологии были бы невозможны. Как справедливо отмечал Марк Блок, «в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области: единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, — это всемирная история» [Блок 1986: 29].

Методология моего исследования может удивить и даже огорчить тех, кто ждет быстрых решений. Как известно, на каждый сложный вопрос существует краткий, простой, понятный... и неправильный ответ. В молодости я сам какое-то время такие ответы искал, но с возрастом убедился в ошибочности подобного подхода. Поэтому данное исследование, нацеленное на то, чтобы разобраться в причинах сегодняшних проблем России, начинается издалека и основывается на историко-социологическом анализе. В своем движении к современности человечество прошло чрезвычайно сложный путь, на котором некий вызов, если воспользоваться терминологией выдающегося английского историка Арнольда Тойнби [Тойнби 1991: 106–142], породил ответ, а тот, в свою очередь, представлял для человечества новым вызовом. И некий качественный перелом, произошедший в тот или иной момент, становился не единственной причиной успешной модернизации, а лишь причиной смены курса дальнейшего развития, которое вело к очередному перелому и к очередной смене курса. Это было медленное, постепенное продвижение от вызова к вызову через столетия едва заметных перемен. Оно напоминало ход поисковой группы по сложному, подземному лабиринту, в котором требуется отыскать заблудившегося человека. Спасатели идут от развилки к развилке, прослеживая по некоторым едва заметным признакам путь этого бедолаги и оставляя в стороне те «боковые» тоннели, в которые он

не заглядывал. Таким образом, нам придется долго продвигаться вперед по лабиринту истории (в этой книге поиск не закончится), прежде чем мы сможем понять, почему Россия отстала.

Вторая неожиданность, ждущая читателя, состоит в том, что формально большая часть страниц книги содержит рассказ не о России, а о других европейских странах. С моей точки зрения, именно такой подход позволяет серьезно разобраться в причинах отставания. Традиционная ошибка, с которой сталкивается множество людей, пытающихся понять, почему Россия отстала, состоит в том, что они начинают основательно размышлять над проблемами нашей страны, а не над успехами тех, кто ушел вперед. На самом же деле истинная проблема состоит не в том, почему мы отстали. Важно понять, почему другие страны в какой-то момент смогли осуществить важные для своего развития преобразования¹.

Наша проблема напоминает проблему спортсмена, хорошо подготовленного физически и даже показывающего лучшие результаты, чем рекордсмены прошлых лет, но принципиально отставшего от нынешних рекордсменов в методах. Тот, кто бежит классическим стилем, отстает от лыжников, использующих коньковый ход. Тот, кто прыгает перекидным, достигает меньших высот, чем тот, кто освоил стиль фосбери-флоп. А шахматист, не изучающий новинки теории, проиграет усидчивому знатоку дебютов. Такое же положение дел во многих видах спорта. Поэтому тренер, желающий подготовить спортсмена, должен не только понимать его возможности, но и изучать, каким образом другие спортсмены уходили в отрыв.

Наши успешные соседи не всегда были такими, как сейчас. Они прошли через длительный период развития, или, точнее, модернизации. В древнем традиционном обществе не было явных лидеров и явных аутсайдеров. В том или ином виде это традиционное общество сохранялось веками. Но в какой-то момент у некоторых народов что-то случилось, и они постепенно стали трансформироваться. Вполне возможно, сами того не желая, и уж точно не представляя, к каким

¹ Компаративистика имеет большое значение для понимания важных проблем истории. Многие известные авторы, так или иначе, занимались сравнениями в своих научных трудах [Кром 2015].

успехам их эта вынужденная трансформация в конце концов приведет. Если мы сможем четко для себя сформулировать причины, по которым успешные страны стали уходить в отрыв, то сможем корректно поставить вопрос применительно к нашей стране. Сможем задумать-ся о том, почему соседи сделали то-то и то-то, а вот мы не смогли.

Ошибка, которую часто допускают, не уделяя внимания причинам успехов стран, ушедших вперед, вполне естественна. Ведь всё в данном вопросе кажется нам, на первый взгляд, довольно простым. Если мы хотим понять проблемы России, надо вроде бы изучать именно Россию, а не Англию, Францию или Германию. Вот если захотим изучить те страны, то тогда ими, мол, вплотную и займемся. Но захотим вряд ли. Пусть англичане, французы и немцы свои проблемы сами изучают. Для них это важнее. При господстве такой логики в большинстве работ, посвященных проблемам российского отставания, вообще не уделяется внимание развитию Запада. А читатели, желающие разобраться в наших сложных делах, готовы, скорее, прочесть сотню книг с разными точками зрения о России, чем десяток конкретных исследований, объясняющих, что творилось в других странах в переломные эпохи.

Размышляя подобным образом, мы часто начинаем сравнивать положение дел в России не с реальным положением дел на Западе, а с тем мифом, который о нем сами для себя сформировали. Даже сегодняшнее положение дел на Западе часто мифологизируется из-за недостатка конкретных знаний, формирующихся обычно серьезными книгами и долгими путешествиями. Что уж говорить о мифологизации зарубежного прошлого, понять которое сложнее, чем современность! Таким образом, получается, что мы сравниваем наши реалии с мифом. Но, выясняя, почему Россия «отстала от мифа», никак нельзя получить реальную картину отставания. Картина тоже, естественно, окажется мифологизированной.

Третий сюрприз, с которым столкнется читатель, состоит в том, что, размышляя об отставании от Запада, автор стремится отказаться от неконкретного понятия «Запад». Если мы всерьез начинаем анализировать вопрос, почему разные страны оказались успешными, то выясняем важную для понимания проблемы вещь. Запад весьма неоднороден. О Западе, как о чем-то едином, говорить можно, скорее, лишь в исключительных случаях. Всякий конкретный разговор требует

понимания того, насколько страны Запада различны по своей истории. Типичная ошибка, распространенная в размышлениях о причинах нашей отсталости, состоит в том, что мы сравниваем Россию с Европой в целом: от Англии до Болгарии, от Норвегии до Сицилии, от Эстонии до Португалии. Сколько раз мне приходилось слышать размышления о том, что такое Запад, подкрепляемые лишь фактами, взятыми из опыта наиболее развитых государств! Про все остальные страны, формирующие сложную картину мира, собеседники предпочитают не рассуждать, то ли просто не зная их реалий, то ли считая их не столь уж важными для анализа России.

В такого рода рассуждениях присутствует логическая ошибка. Вот, скажем, некий аналитик рассуждает о России, сравнивая ее с Западом, но на самом деле приводя для сравнения только некоторые факты из английской истории. Факты эти настолько специфичны, что говорят лишь об особенностях английского развития, отличающего его и от развития российского, и от французского, и от греческого. Но выводы делаются в духе «Россия и Запад». Мол, мы отстали от Запада в целом, а значит... А дальше вновь следует привычный набор тезисов об ущербности именно русской культуры, именно русской ментальности, именно русского «генотипа». Но ведь на самом деле автор этих размышлений проанализировал специфику положения дел внутри «западного мира», а вовсе не российские особенности. Если мы хотим для простоты представить себе схематично общую картину развития, то надо взять не два круга — Россия и Запад, а систему кругов, расходящихся из единого центра и охватывающих все более широкие пространства. В центре будут находиться самые успешные страны, на периферии — отсталые, а остальные займут место между ними. В третьей главе читатель увидит эти круги, расходящиеся из Северной Италии. Но для разных эпох европейского развития круги будут выглядеть по-разному, и когда мы дойдем до анализа Нового времени, в центр попадет Англия.

И наконец последнее методологическое замечание, предваряющее эту книгу. Если быть точным, речь в ней пойдет даже не о европейских странах, а о регионах и отдельных городах. Читатель будет втягиваться в разговор о Флоренции, Венеции, Генуе, Генте, Брюгге, Новгороде, Пскове, Сицилии, Апулии, Фландрии, Нормандии, Кастилии, Девоншире, Тироле, Сконе, рейнской и ганзейской Германии, шам-

панских и лионских ярмарках, каталонских и берберийских пиратах, левантйской торговле. Понятно, что это несколько усложнит текст, но без подобной детализации обойтись невозможно. Национальные государства и национальные экономики как единый комплекс сложились лишь в Новое время, а в те эпохи, о которых здесь пойдет речь, существовали города-государства и всякие регионы со своими традиционными названиями. Даже тогда, когда регионы складывались в монархию или империю, их историческая судьба и экономическая динамика были различными. Мы привыкли к тому, что в России существует огромный разрыв между отдельными частями страны, но похожим образом развивались ведь и другие страны. Поэтому не стоит удивляться, если речь в какой-то момент пойдет о событиях, происшедших в Новгороде, а не в России, и в качестве успешного примера мы будем рассматривать Венецию и Брюгге, а не Италию и Бельгию. Более того, даже такое слово, как «Бельгия», нам придется избегать, чтобы не впасть в анахронизм².

Итак, что же читатель получит в этой книге? Если сказать кратко, то в первой и третьей главах будет показано, как объективно у нас формировались с давних пор большие экономические проблемы. Возникли они задолго до всяких реформ и контрреформ, закрепощений и освобождений. Не были связаны ни с деструктивными действиями властей, ни с народным менталитетом, ни с природными ресурсами. Скорее, проблемы определялись нашим местом на карте Европы — тем, что русские земли являются ее восточной периферией. А во второй и четвертой главах пойдет речь не о реальных проблемах России, а о мифических. О тех, которые нам часто приписывают и которые, следовательно, надо детально разобрать, чтобы не уйти в анализе причин российской отсталости по ложному пути. Действительно ли наша страна больше других страдала от незащищенности собственности? Действительно ли так катастрофично было то, что Россию почти не затронула ренессансная культура? Сопоставляя реальные проблемы с мифическими, мы попытаемся определить ту реальную базу,

² Есть много типичных ошибок, которых следует избегать в размышлениях о том, почему Россия отстала. Но все здесь упоминать не стоит. Подробнее я написал о них в другом месте [Травин 2021].